

Дмитрий Чарков

16+

СЖИГАЯ

ПРЕД СОБОЙ

МОСТЫ

Дмитрий Чарков

Сжигая перед собой мосты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166502

SelfPub; 2020

Аннотация

Глубокий тыл во время Великой Отечественной войны. "Коктейль Молотова", изготовленный пареньком для фронта, может обернуться ГУЛАГом для его отца. Или преследовать в поколениях. И в современном мире внук, стоя над гробом деда, пытается постичь смысл переkreшенных молота и серпа – тоже своего рода крестное знамение. "Сжечь за собой мосты" – значит отрезать себе всякую возможность к отступлению. А в случае поджога моста впереди себя – значит действительно видеть выход, но сознательно лишиться себя возможности им воспользоваться...

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.
Сергей Есенин

Дед лежал на шести широких, составленных вместе стульях, посреди комнаты. Плотная штора позади него была задернута, и лучи заходящего солнца еле-еле пробивались сквозь широкие металлические кольца круглой деревянной гардины под высоким сталинским потолком. На древнее бабушкино трюмо в углу комнаты было наброшено бежевое махровое полотенце. Полумрак и тишина.

Рядом с изголовьем, в глубоком кресле-качалке, сидел отец, подперев одной рукой голову и уставившись в точку где-то на полу, различимую только ему.

– Проходи, – сказал он, не поднимая глаз на сына.

Иван как-то неловко переступил порог и присел на тахту у стены.

Дед Николай выглядел как обычно, когда отдыхал после обеда на своём огороде – хмуро и замкнуто. Он даже и руки всегда так же складывал чуть повыше выпирающего живота, который в последнее время поддерживал кожаный бандаж. В голове Ивана промелькнул бестолковый вопрос: «Интересно, а сейчас под его пиджаком надет этот бандаж?» Он пе-

ревёл взгляд на острый гоголевский нос и дальше, на редкие седые пряди. Рядом с его головой, на стуле, лежал маленький томик Есенина из родительской библиотеки – внук сразу узнал его: в последнее время, приходя на семейные обеды, дед неизменно усаживался с ним у торшера, надевал очки в роговой оправе с толстыми стёклами и так сидел, перечитывая давно известные строки, пока Иван или младший, Борис, не увлекали деда к общему столу.

Странно, но этот томик сейчас не выглядел неуместным у деда в изголовье.

– Идите, помяните, – позвала с кухни мама.

Иван подождал, пока отец тяжело поднялся, и сам вслед за ним встал с тахты. Проходя мимо, Сергей Николаевич тихо проговорил:

– Пойдём, Иван, помянем деда.

Тот молча кивнул, затем подошёл ближе к стульям. Их высокие спинки на одном уровне образовывали черту, вдруг показавшуюся ему неким физическим барьером, отделявшим внука от деда, как жизнь от смерти. И ещё она представилась той полосой, что была в этот момент общей – и для Ивана, и для Николая Кузьмича: каждому своя сторона, но в целом единая лента. Сбоку на круглом обеденном столе, поодаль от окна, стояла погашенная свечка на металлической крышке от стеклянной банки. Он достал из кармана спички и, чиркнув, поднёс зардевшее пламя к тонкой белой нити – не хотелось оставлять его здесь совсем одного.

На кухне мама уже приготовила рюмки и тонко нарезанное наспех сало с хлебом. Тут же в глубокой походной миске лежали соленья – огурцы, помидоры, отдельно грибочки: дед был мастером на эти штуки, а Сергей Николаевич и Иван Сергеевич уже – вишь как! – «не крутили». Не было ни времени на свой огород, ни интереса к своей зелени.

Может, ещё появятся.

– Ну, царствие ему небесное! – сказала мама.

Отец укоризненно посмотрел на жену, но промолчал, выпив и бережно поставив рюмку на голубую клеенчатую скатерть. Иван последовал его примеру. В семье партийного работника такие выражения не были в привычном обиходе.

Никто тогда не мог и подумать, что не пройдет и трёх лет, как сам он, убежденный коммунист, будет стоять перед иконой Спасителя, осеняя себя крестным знамением – молча, стиснув зубы, вспоминая прожитые годы теперь уже таким неуверенным взглядом из проклятых девяностых...

После водки от сердца немного отлегло. Отец с матерью закурили. Неожиданно Сергей Николаевич произнёс задумчиво:

– Батя крутой был мужик, а ведь... меня в жизни и пальцем не тронул. Только один раз...

Иван хрустнул ядреным дедовским огурцом и взглянул на отца. В годы развитого социализма такое отношение к подрастающей смене тоже не было в обиходе: детей частенько лупили, как сидоровых коз. Впрочем, не по внутренней зло-

бе в большинстве случаев, а так – исключительно в целях коммунистического воспитания. Тогда всех лупили в этих целях, не только детей, и не только сидоровых.

– Помнишь тот мост на Угловой, под которым трамваи проезжают, мимо «Дальдизеля»? – спросил отец, наливая по второй.

– Конечно, – кивнул Иван.

Это был небольшой металлический пролёт метров длиною двадцати над оврагом, по дну которого проложили трамвайные пути. Мост соединял нефтебазу с речным портом, и по нему регулярно гоняли покрытые снаружи нефтяной пленкой цистерны с горючим. В том районе постоянно стоял невыветриваемый специфический запах химикатов. Недалеко располагалась и средняя школа, для заводских, которую он закончил, сын советских интеллигентов. Тогда вопросы экологии и производственной безопасности трактовались несколько иначе, чем годы спустя: детей с малолетства приучали нюхать если не порох, то нефть и металл, и играть неподалёку: суровое, но счастливое детство.

– Мост тот не всегда был стальным. Во время войны он был деревянным. А завод назывался «Арсенал», в цехах дизели собирали для танков, а на нефтебазе готовили топливо, и по мосту перегоняли на платформах в порт, там перегружали... в общем, режимный объект.

Отец поднял рюмку.

– За батю! – коротко сказал он; Иван тоже выпил, а ма-

ма пригубила. – Твой дед во время войны был начальником цеха на «Арсенале». Ответственная работа, сам понимаешь. Как он умудрился пережить тридцать седьмой, а потом и сорок первый – уму непостижимо.

– Такой молчун был, – вставила мама.

– Да, – кивнул отец, – может, поэтому и выжил, что молчал: ни о себе, ни о ком-то другом слово из него не выдавишь. Лиши изредка, и то – только хорошее, по делу. Очень сдержанный батя человек... был.

Он неторопливо отправил в рот маленький кусочек сала с хлебом, сдобренные чесноком, и продолжил:

– Я тогда маленьким пацаном ещё бегал, меня в заводском райончике нашем все знали: если футболом стекло кто высадит – ну, Серёжка Буранов, кто ж ещё! Или в «цыганском саду», что возле школы, зелёные груши обдерёт – «а, вон Серёжку спросите, он точно знает!», или косточки от вишни по всей девичьей раздевалке в спортзале... Голодные ж ходили постоянно – война. Не знаю уже, правда или нет, чтоб я таким шалопаем рос, как бабки судачили... и я ли вообще всё это проделывал – но в тот день, когда сгорел мост, батя мне всыпал по первое число.

Ведь я его и спалил.

Не специально, конечно. Я в тот день, помню, испытывал новый коктейль Молотова собственного рецепта: тоже хотелось что-то для фронта... Наскрёб в пустую бутылку черной маслянистой травы с насыпи, по которой нефтяные цистер-

ны толкали, приправил всё это такими же вонючими листьями, поджѐг и – хрясь! – об каменную глыбу, тут же, в овражке. Оно как полыхнуло всё – и вверх по насыпи, по сушняку, а ветром и к мосту понесло. А он деревянный, тоже весь такой промасленный и черный – в один миг полыхнул. Не помню от страха, как я дома очутился – но быстро-быстро! Отец после ночной смены отдыхал, увидел меня, увидел зарево в овраге – догадался сразу. Матушка рассказывала: побелел весь... Это же саботаж: в военное время, при Сталине – подумать только! Батя тут же меня за уши – и в погреб. «Сиди, – говорит, – не пискни мне!» Сам побежал к мосту. Там, понятное дело, уже люди: кто-то с лопатами, вѐдрами – землѐй закидывают пламя, чтобы по шпалам не распространилось дальше по железнодорожной колее да по склонам насыпи, потом ещё пожарные подоспели. Но куда уже... мост выгорел начисто. Хорошо хоть нефтезавод не полыхнул.

Батя в тот день долго не возвращался – мать уже думала: всё, в эн-кэ-вэ-дэ определили. Ближе к полуночи только пришѐл – черный весь, усталый, пропахший гарью и нефтепродуктами. Но на меня сил хватило. «Где Серѐжка?» – спрашивает. Маманя на подпол кивает, мол, ты ж сам его туда засадил; она мне за день только попить да поесть пару раз спускала, и всё – я так и сидел: попробуй отца послушаться, ага! Он открывает половицы, достаѐт меня за шкуру... Помню, мама ладошки так нервно прижала ко рту, в ужасе смотрит, но сама слово произнести боится – еѐ-то, поди,

тоже в рабоче-крестьянской семье растили, знает порядки. Сестра младшая уже спала в соседней комнате, старший брат мой на смене на заводе был. Отец, доставая ремень из петель штанов, шептал мне в ухо – как сейчас его слышу: «Сестру разбудишь – самолично сдам тебя Петьке жирному». (Дядя Петя жил тогда в соседнем подъезде и был кем-то, кого все сторонились. И боялись. Но ходил в «гражданке» – чистенький и отглаженный, пузатый такой, козёл. В пятьдесят пятом он испарился из города – до сих пор никто о нём ничего не слышал.) Я, конечно, не пикнул, пока меня батя ремешком-то своим обхаживал – молчал; не от боли даже, а от страха перед дядей Петей. На задницу потом неделю сесть не мог и ходил, как на раскорячке.

Слухи среди заводских, конечно, были – мол, сынок Николая Кузьмича постарался на мосту, но в лицо бате такое сказать боялись. Мать тоже пресекала враз все расспросы – никто меня там не видел, в общем-то: овраг глухой, все дети – как дети, были на занятиях, меня одного на испытания вместо литературы занесло. Но прогул урока не означал же виновности в поджоге! Родители сказали, что я в тот день ушёл с литературы, потому как заболел. Оно и правдой оказалось: за партой потом я сидеть всё равно не мог, а в сыром холодном погребке действительно простыл за несколько часов, так что неделю потом в постели провалялся. Если б ещё не рыбий жир... тьфу, гадость такая! – но спасал же... В принципе, как я позже узнал, никто о поджоге официально

и не говорил тогда вовсе – никаких посторонних предметов на месте пожара найдено не было. Осколки бутылок – да их там куча всегда, заводские мужики с получки частенько там околачивались на солнышке, а от моей обгоревшей спички и головки даже не осталось. Признали возгорание случайным, в общем, и мост восстановили за три дня. Зато с тех пор он стальной – тоже ведь заслуга, а? Но батя мой тогда, можно сказать, из петли нас всех вытащил: если б хоть на секунду сдрейфил, не так на кого-то глянул, засомневался... не посмотрели бы, что стахановец, коммунист, что каждый месяц в военкомате скандалил из-за того, что в тылу его гнобят...

– Сергей Николаевич, гроб привезли, – слышался голос соседки тётки Кати в коридоре.

– Ну, давай по третьей, за деда, и пойдём, – отец выдохнул обжигающий перегар и прикрыл рот ладонью. – А через двадцать лет я работал там, в районе, первым секретарём райкома комсомола... Вот ведь как.

Апрель 1944

Мост уже полыхал, когда Николай подбежал к насыпи, с ведром и лопатой, которые прихватил со двора сразу же. Воздух тут, казалось, извергал напрямую в лёгкие смрад пожара с привкусом нефти.

– Николай Кузьмич, что делать-то?! – кричала бежавшая ему навстречу Валя, машинист паровоза, размахивая синим платком, сорванным с головы. Сам черный стальной бегемот замер в сотне метрах от пламени – женщина вовремя заметила неладное на мосту и затормозила.

В посёлке все друг друга знали по имени. Здесь, на месте, Николай, похоже, оказался единственным пока авторитетным руководителем – с него и спрос потом за тушение будет. Авторитетный, по всему выходит, спрос.

Он оглянулся по сторонам: отовсюду к пожару спешили люди. Кто успел вёдра прихватить, кто лопаты, кто багры стянул с ближайших щитов – благо, тут их наткано было чуть ли не частоколом, на нефтяном перегоне.

Под мостом протекал ручей – ручей, проходящий через нефтебазу. По нему часто школьники запускали деревянные кораблики, которые дрейфовали в неспешном потоке к реке вместе с ажурными нефтяными пятнами. Иногда, впрочем, пятна были и керосиновыми, как догадывался Николай Кузьмич. И если таскать воду из этого ручья и лить её на огонь...

– Стой, Степан...! Нельзя оттуда! – крикнул он парню, уже зачерпнувшему ведро воды, стоя по щиколотку, в кирзачах, в ручье.

– Ты что, Николай Кузьмич?! По шпалам же понесёт! Смотри, ветер какой...

– Брось, говорю тебе! Давай землёй – наполняем ею вёдра и на шпалы вываливаем, с обеих сторон. Наталья, лови всех,

кто со стороны реки подтягивается, а я тут... Две команды по обе стороны – одни снимают сухой дёрн с подветренной насыпи, другие делают трёхметровый отсып из земли поперёк шпал! Степан, стоняй ещё за вёдрами в школу – там же в сарае их склад. Взялись..!!!

Сам он начал грузить со склона оврага сухую песчаную землю сразу в два ведра и бегом подтаскивать их вверх, к огненной кромке на путях, в десятке метров от моста, раздавая по ходу резкие команды женщинам, снимавшим ещё не тронутый огнём сухой и просмоленный дёрн на подветренном склоне.

С другой стороны железнодорожный откос был из гальки – оттуда беды ждать не приходилось, слава богу. В воздухе стоял треск от пожираемого пламенем сухих деревянных балок моста; то и дело слышались отрывистые реплики, когда кто-то вдруг поскользнулся с тяжёлыми вёдрами на железнодорожном склоне; ветер относил в сторону черное марево, и это позволяло людям хоть как-то дышать.

Через пятнадцать минут подъехали пожарные на трёх лошадиных подводах, с водяными бочками и ручными помпами. Единственный на посёлок «ГАЗ» с тысячелитровой цистерной сюда подобраться не смог бы – оставили на повороте к переезду. Пожар к этому времени удалось остановить от распространения по откосу и шпалам, но мост полыхал багряным заревом – вот-вот рухнет. Подоспевшие бригады сразу активно включились в заданный ритм и уже через две-

три минуты поливали бушующее пламя.

– Кузьмич, ты тут командовал? – окрикнула Николая начальница пожарной команды.

Николай в ответ ей молча кивнул.

– Кто-нибудь знает, отчего полыхнуло?

– Не спрашивал. Занят был, – сказал, как отрезал.

– Молодцы, что остановили огонь!

Мост не обрушился, но в этом мало было утешения – через два часа рельсы каким-то чудом висели в воздухе двадцатиметровым хребтом исполина, лишь в одном месте поддерживаемые обгоревшей донельзя широченной древесной балкой.

Дознаватели не заставили себя ждать.

– Чужих кто-нибудь видел в районе? – был первый вопрос.

Уставшие люди озадаченно качали головами: здесь все друг друга знали, чужих бы сразу заприметили. Николай в изнеможении лежал на своём ватнике чуть поодаль от крайней пожарной подводы. Мысль о диверсии у всех, конечно, была основной, пока кто-то не выдвинул вслух гипотезу:

– На той неделе у Прошкиных пал вокруг дома загорелся – сухо ведь уже, а зимой отходами с базы кочегарили печки свои, поди, всё пропиталось кругом керосинкой, картошка даже не растёт. А тут-то вообще...

– Сколько говорили уже, мол, опасно тут – и школа рядом, детишки бегают, и нефтезавод, а какие меры-то приняли? – подхватил кто-то из женщин.

Народ не расходился до ночи. Уже в сумраке устанавливали мощные осветители, чтобы досконально обследовать весь прилегающий участок. Много было людей в погонах. Все понимали, что дело может обернуться для кого-то быстрым трибуналом, но вслух остерегались произносить такого рода догадки, оттого и версий про самопал сыпалось со всех сторон всё больше и больше – от греха, что называется: времена такие, что саботажников выбирать из толпы – дело привычное, и нет гарантии, что сегодня им не назначат тебя или твоего свата. Так что с самопалом оно как-то всем надёжнее выходило.

Николай кое-как стёр с лица вьевшуюся через пот копоть и уже собирался домой, когда к нему сзади подошёл грузный человек с красным лицом, в штатском, и тихо произнёс:

– Доброго здравия, Николай Кузьмич.

– Тебе того же, Пётр Евграфыч, – резко обернувшись, ответил он Петьке Жирному.

– Слышал я, что ты тут всё грамотно организовал, пока Люся со своими не подросла.

– Как учили, – хмуро ответил на комплимент Николай.

– Ты сам-то, часом, ничего подозрительно не заметил?

– Сказал бы уже.

– Сам с ночной, что ли?

– С ночной. Фёдор в день ушёл.

Мужчина кивнул. Затем прищурился недобро:

– А малой твой, что ж, тоже в день сегодня?

– Серёжка, что ль?

– Серёжка, Серёжка, ага.

– Захворал, мать дома оставила. А твой какой интерес до него-то?

– Да Гринька мой сказал, что Буранов опять с контрольной по арифметике схлюздил.

– А ты, Пётр Евграфыч, за своим следи. За моим я сам пригляжу, будь уверен.

– Видел его после смены-то?

– Видел. Сопливый весь. Иль ты думаешь, что это его рукоделие? А, Пётр?

Николай нахмурил жёсткие брови и открыто поглядел в переносицу Жирному, буравя его немигающим взглядом. На заводе поговаривали, что взгляд Кузьмича мало кто мог за просто вынести. Вот и Петька теперь отвёл глаза в сторону, проговорив:

– Не горячись, Коля, все знают, что твой малой – мастер на все руки. Мало ли, чем он был днём занят, пока батька его после смены отдыхает.

– Так, может, пойдём, допросим сопляка, а? Не полночь ведь ещё, – шёпотом в лицо Петьке выдохнул Кузьмич.

– А что, и то дело, – вдруг согласился Пётр.

– Пошли! – Николай развернулся и бодро зашагал в направлении своего дома, будто и не было нескольких часов битвы за нефтебазу.

Пётр, чертыхаясь, засеменял следом. Николай небрежно

бросил ему через плечо:

– По пути только к Евграфу заскочим – спросишь у него, почему он до сей поры песком подходы к мосту не засыпал, как ему велено было месяц назад на партактиве. Ну, зайдём, чтобы не возвращаться потом – по пути ведь!

Пётр Евграфыч замер на полшаге.

– Ты о чем это, Николай?

Тот тоже остановился и в ответ лишь пожал плечами, глядя куда-то в темноту. Пётр смачно выругался и сплюнул. Потом сказал:

– Ладно, сам завтра поговорю с ним. Но ты, Колька...

– И тебе спокойной ночи, Пётр!

Тётя Катя, худая и высохшая, без передних зубов, дымила «Прибоем», стоя на лестничной площадке. Через широкие сталинские окна в подъезде солнце щедро распыляло свои последние в этот день лучи. Двое парней в замызганных и местами дырявых футболках медленно поднимались снизу по деревянной лестнице, неся на руках простой, обитый ярко-красной материей, гроб. В детстве один вид его всегда приводил Ивана в ужас – по советским традициям, крышка от него выставлялась на площадке перед квартирой в доме, где умирал человек. Железный памятник ставили у подъезда. Пройти мимо для мальчугана было нечеловеческим ис-

пытанием: ноги не двигались, руки холодели, а в самом воздухе, вокруг, казалось, витала сама Смерть – такая непостижимая и неведомая для ребёнка. В их дворе регулярно кого-нибудь хоронили, и можно было бы привыкнуть к виду катафалка и траурных венков, музыкантов с духовыми инструментами и звукам подавляющего волю и сознание похоронного марша, но ему почему-то не удавалось. Оттого, вероятно, впоследствии и флаг раздробленной страны, с желтым молоточком и круглым хирургическим ножичком, всегда наводил на него необъяснимый, граничащий с паникой, страх: краснофобия, траур, похороны.

Иван вернулся в комнату, где лежал Николай Кузьмич. Свечка отбрасывала на стены причудливые тени. Приблизившись к барьеру и вглядываясь в такое знакомое и теперь бесконечно далекое морщинистое лицо, внук неожиданно для себя зашептал, словно в трансе:

– Спасибо тебе, дедушка, что ты был в моей жизни. Спасибо, что ты был папой моего папы, что я мог прижаться к тебе иногда и попросить десять копеек на мороженое, и ты никогда мне не отказывал. Как хорошо, что ты не варил самогонку и не курил папирос: мне теперь намного проще понимать, что не это делает нас мужиками. Спасибо, что ты брал меня с собой на рыбалку и подарил мне кеды – правда, я из них быстро вырос в то лето, и они изрядно потрепались на футбольном поле «Нефтяника», но в них я забил столько голов, что ты по праву гордился своим внуком и говорил

всем соседям во дворе, что это мне вручили все те грамоты и дипломы. Теперь ты вместе с бабушкой – передавай ей привет от нас от всех, пожалуйста, мы о ней так скучали все эти годы – ну, ты и сам знаешь; да и она, наверно, тоже, но всё-таки... с другой стороны, ты же так хотел всё это время снова оказаться вместе с ней, вновь увидеть её мягкую и добрую улыбку, ощутить прикосновение заботливых рук... ты ведь не находил себе места без неё, дед, я знаю, я всё это видел. Прости, что я не сдержался тогда, на кладбище, и накричал на тебя – но иначе ты бы до утра не ушёл с её могилы. И хоть ты говорил всегда, что бога нет, дед, но, прости, я всё же думаю, что ты верил в него всегда. Может, где-нибудь в глубине души, но для настоящей веры, наверно, и не обязательно говорить об этом вслух, тем более в том мире, где это подвергается гонению. Поэтому я смело прошу Господа нашего Иисуса Христа простить тебе все прегрешения, вольные и невольные, и отпустить тебе грехи, и даровать царствие небесное и вечный покой. Спи спокойно, мы тебя очень любим.

Проговаривая своё последнее «прости», он и не заметил, как рядом появился отец: тот стоял, опираясь на спинку одного из стульев. В этот момент Иван почти физически ощутил эту тонкую грань между настоящим и прошлым. Или ему это только показалось? Есть ли оно вообще, это мгновение, отделяющее нас от истории?

– Спасибо, Ваня, – сказал отец и, нагнувшись к своему

бате, положил в его изголовье, поверх томика Есенина, маленькую золотую звёздочку на ярко-красной матерчатой розетке. В самом центре звезды единым символом переплелись те самые молоточек с ножичком – давно забытые во времени молот и серп.

Теперь, находясь в своих ощущениях на одной из многочисленных граней истории, Иван видел в этом артефакте совершенно иные инструменты и другую звезду.

* * *

Январь 1955

– Кузьмич, ты не спеши-ка...

Но Николай одним махом опорожнил кружку. Спирт тут же резким теплом отозвался в желудке.

– Чего бубнишь под руку? – выдохнул он, занюхав черным ломтем и тут же надкусив его бережно.

Пётр, промолчав в ответ, медленно выщедил свою «соточку». Николай Кузьмич оценил с прищуром:

– Ну, силён, Евграфыч. Где тебя научили так чистоган смаковать?

– Сам знаешь где, – Пётр вытер губы рукавом, его покрасневшееся лицо лоснилось от выступившей испарины.

– Как Гришка-то?

– Гриня – мужик. Младшего лейтенанта вот недавно по-

лучил. Артиллерист.

– Молодец!

– А твоего-то, я слышал, в район выдвигают, по комсомольской линии?

Николай подвинул ближе к гостю чашку с соленьями:

– Ты попробуй-то огурчики: свои, с осени.

И снова разлил по сто грамм:

– Давай, Пётр Евграфыч, за детей наших!

Закусив, ответил:

– А я вот слышал, что в твоём ведомстве должны характеристику на него дать, на моего Серёжку-то.

Пётр, прожевав ядреный огурец, заметил:

– Мы характеристики на граждан не выдаём. Мы их заверяем...

– Так, стало быть...

– ... или отклоняем.

– Хм... «Отклоняем», говоришь. Это нужное дело, наверное. Да ты закуривай, не стесняйся.

Пётр достал коробочку «Герцоговины», вынул длинную папиросу, помял мундштук.

– Тебе не предлагать?

Николай отрицательно качнул головой.

– Больно ласков ты, Кузьмич, сегодня.

Закурил. Николай спросил, глядя на черную коробку с позолотой:

– Папиросы-то – марка вождя, а? Традиция, что ли?

– Привычка. Кстати, о вожде...

Он стяхнул пепел на мытый пол, под ноги себе.

– Говорят, что ты Ильича вроде как во сне видел?

Николай откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди:

– Так его все видят. Иначе как план делать? Иначе пятилетку не освоить, сам знаешь...

– Видят-то все, да только не у всех он хохочет по-бесовски и новыми экспериментами грозит.

– Охмелел ты что ли, Пётр?

– Я тебя ещё перепью!

– А-а...! Ну, попробуем, – Николай Кузьмич подмигнул и разлил по новой: себе в солдатскую алюминиевую, гостю – в почетный трофейный хрусталь; не потому, что с парадной посудой в доме наблюдался недостаток, а просто пил Кузьмич только из своей «Алю-Миньки».

Пётр заметно взбодрился, при этом буравчики под ресницами на его широком и гладко выбритом лице превратились в щелочки. Николай же, судя по выражению лица, казалось, только веселел, но зрачки его глаз с каждой минутой приобретали всё более холодный стальной отблеск.

– Грозил кому, говоришь? Романовым, нет?

– А есть разница? В твоём же сне!

– Разница большая и принципиальная, товарищ Петя.

– А «хохотал безумно»...? «Бесом закатывался»!

– Это ты мне говоришь, коммунисту с двадцатилетним

стажем?!

– Ты, Кузьмич, не передёргивай. Это я тебя цитирую – или протокол показать?

– А что мне твой протокол? Не тридцать седьмой ведь за окном. Вон, и врачей уже отпускают – или газет не читаешь?

– Читаю, а как же. Но с таким портфелем Серёжке в районную комсомольскую ячейку не совсем сподручно как-то ходить станет, как думаешь, товарищ Кузьмич?

– Так Серёжка сны только про Никиту Сергеича смотрит. При чем тут он, вообще? Сын за отцовскую дрёму не в ответе. Или не прав я? Или вождь не прав, как считаешь? Я или вождь?!

В кухню заглянула хозяйка и вопросительно глянула на мужа. Николай в ответ неторопливо повернул к ней лицо, и она, молча пройдя в кухню и поставив с плиты перед мужчинами сковороду с жареным картофелем, также молча удалилась.

Пётр сопровождал её немигающим взглядом.

– Разгорячился-то чего, Коля? – спросил он. – Нет, так нет.

– И правда... Чего я...? Оба под одной крышей. Только одному ещё сто лет под ней лежать, небось, а другого, того и гляди, вышибут...

Пётр окаменел.

– Это ты о ком сейчас?

– Про... нас с тобой, Петька, о ком ж ещё-то? – усмехнул-

ся Николай, разливая спирт по новой. – Кого первого вышибет, а? И другой под стол – и спать, как во век не спал – чем не крыша! Ха-ха-ха, а ты чего подумал? Мерещится всё, по-ди, да? Э-эх, тяжёлая у тебя работёнка, Евграфыч. Давай... за тебя...!

Не дожидаясь ответа, Николай махнул очередную «миньку» и шваркнул от души пустой кружкой по столу:

– У-ух, хороша! Так что... тот момент со снами мы, я вижу, с тобой разобрали и перепроверили, как отцы учили, верно, Пётр Евграфыч? Вопрос отпадает за ненужностью для Серёжки. Ну, и для нас с тобой, конечно.

Пётр выпил, на этот раз слегка поморщившись.

– А чего хозяйка-то твоя с нами не присядет?

Николай зачерпнул ложкой прямо со сковородки душистый, с чесноком, картофель и предложил гостю:

– Ты б закусывал, Петь, а то скажешь потом, что Бурановы не кормили, оттого и вырубило тебя первым, – и он хитро прищурился. – Хозяйка придёт, не переживай. Вот только мы с тобой закончим про смену нашу, комсомольскую... И придёт.

Пётр приложился к угощению, довольно улыбнулся:

– Со шкварками... надо ж!

Затем, отложив ложку, сказал:

– Вишь, Николай Кузьмич, дело-то какое... Комсомолом руководить должны честные партийцы, с репутацией и доверием, так сказать.

– Ну? Серёга с пятнадцати лет на заводе по-стахановски: коммунист, передовик, активист...

– Да знаю, знаю, и характеристику на него читал уже, и людей выслушал – все за него горой, слова против ни единого.

– Вот! Какие сомнения-то?

Гость неторопливо достал из внутреннего кармана пиджака сложенный платочек. Затем также неторопливо развернул его. Внутри оказался бережно упакованный тетрадный листок, обгоревший с одного края. Николай с недоумением наблюдал за манипуляциями гостя.

– Что это?

Пётр развернул его так, чтобы можно было прочесть. Кузьмич потянулся было за ним, но тот осадил его:

– Не-е, читай из моих рук! Документ – улика, сам понимаешь.

– «Ученика... пятого класса... Сергея Буранова, контрольная работа... двадцать пятое апреля, вторник, одна тысяча девятьсот сорок четвертого...» Что за чушь, какая улика?

– Не припоминаешь, Николай Кузьмич? День-то ведь памятный!

– Ну... напомни.

– Ты мне ещё сказал, что Серёжка не пошёл тогда в школу, дома его оставили, больного. А ведь, оказывается, пришёл он всё ж таки на первый урок – на контрольную, и даже начал

писать её, как видишь! Да только вдруг сказался больным, и сердобольная наша Мария Анатольевна, конечно, отпустила его домой. Только ты не мог этого знать в тот день вечером, после пожара, потому что со смены сам был и, понятное дело, не успел расспросить своего ублюдка про его успехи. Этот листок Фёдор Матвейч – стрелочник, помнишь его? – нашёл на следующий день неподалёку от пожарища: ветром к старой сосенке прибило. Видимо, малец твой сперва его поджог, но то ли задуло, то ли как – ясно, что ветром отнесло. Но мост всё равно успешно сгорел, срок в срок: двадцать пятого, и саботаж получился точно по плану, а улику утром двадцать шестого нашли – не подбросили ведь нарочно, а, не подбросили? Вот я уже который год гадаю: не по твоему ли, часом, плану, а, Кузьмич?

– Матвейч-то помер давно, – вновь скрестил руки на груди Николай.

– Матвейч помер, а заверенные показания его остались, – и Пётр извлёк другой документ. – И отец мой, как ты знаешь, тоже не так давно...

– Да, слышал... А чего ты их с собой-то таскаешь? Не в сейфе даже.

– А со мной им надёжнее, чем в сейфе: ты человек нынче большой, при должности, а времена – сам знаешь...

Николай взял пустую Алё-Миньку и, заглянув в неё с видимым интересом, спросил:

– Ещё по одной, что ли?

– А не хватит тебе ли, Кузьмич? – с насмешкой бросил Петька, складывая улики.

– А ты куда окурок свой дел? – вдруг поинтересовался хозяин, подняв брови.

– Чего? Окурок...?! Какой...

Николай резко поднялся и ударил гостя кружкой в голову, вложив в обводящий удар всю свою массу. Пётр грузно рухнул вместе со стулом навзничь, боком, так что слышно было, как лицо его шмякнулось об пол.

– Разве можно в гостях пеплом полы посыпать? И парня моего ублюдком тоже называть не годится... Кто тебя воспитывал, Жирный?

Пётр не отвечал. Вдруг его конечности стали конвульсивно подёргиваться. В дверях вновь появилась Наталья. Увидев дрожащего на полу гостя, она поднесла руки к лицу и спросила мужа:

– Что с ним?

– Удар... хватил, кажется.

– Бежать за доктором? – женщина присела над Петром. – У него пена... или что это?

Николай словно вышел из оцепенения и, сунув смятую Алю-Миньку в ворох газет у буфета, шагнул к жене, мягко поставил её на ноги и подтолкнул к выходу:

– Иди, Наташа, я сам разберусь, присмотри за Лизой – чтобы не проснулась. Пётр... он предупреждал, что надо делать, если вдруг... это... приступ у него... Давай, давай, род-

ная...

Выпроводив из кухни жену и плотно прикрыв за ней дверь, Николай вернулся к притихшему на полу гостю. Глаза того были открыты, почти на выкате, и смотрели в потолок.

– И не вздумай, Петька... – прошептал он. – Не вздумай... думай о вечном. Всё закончено, ничего не вернуть – ты сам сделал выбор, Петька... уже не состаришься. Вишь как... Но под столом всё ж таки... Слышишь меня? Думай правильно, а проклятия детям твоим же обернутся!

Николай ещё некоторое время сидел над Петром Евграфычем, что-то бормоча над ним. Затем с трудом выволок его подмышки на улицу и уложил на сани, которыми дрова зимой возил, прикрыв сверху черным овчинным тулупом. Вернувшись в дом, предупредил жену:

– Я его в больницу свезу. Ты ложись.

Вернулся Николай под утро. Наталья же едва вздремнула часок за всю ночь.

– Ну, как он? – спросила с волнением.

Николай хмуро присел за прибранный кухонный стол. Вздыхнул.

– Не довёз. Помер по дороге.

Она молча перекрестилась. Николай поднялся, подошёл к печи, в которой ещё тлели угли, заброшенные с вечера. Набрал в лопатку угля из стоявшего подле ведра, он достал из кармана сверток и, бросив его поверх, высыпал всё в печь, приоткрыв сверху заслонку. В печи радостно полыхнуло.

– Наташа, Петра у нас в доме не было. Запомни это хорошо! Ни вчера, ни позавчера – давно не было: уж и не вспомнить, когда заглядывал последний раз. Услышала меня?

Жена что-то тихо произнесла.

– Мы рано вчера легли, Наташа, умаялись – проспали до утра: это всё, что тебе нужно уяснить, ради всех святых и детей наших. Ясно?

– А как же...?

– Схоронил я его, сам, по-христиански, можно сказать. Зачем лишние церемонии? Помер и помер, из родни всё одно никого нет у него тут, а сотоварищи... переживут. Услышала меня?

– Да.

– Да простит меня господь...

* * *

Бориса, младшего внука Кузьмича, из армии на похороны деда непустили. Иван в какой-то миг, закрыв глаза, словно увидел брата Борьку воочию: стоит в карауле с автоматом, укрывшись под «грибком» от морозящего мелкого дождя, всматривается куда-то вдаль мимо закрытых боксов охраняемой спецтехники; грустный, толком не спавший почти сутки в наряде. Накануне Иван разговаривал с ним по телефону из почтового отделения – но связь с Комсомольском-на-Амуре была до того поганой, что лучше бы и не звонил во-

все: только расстроил парня ещё больше, после высланной телеграммы о смерти деда.

А потом вспомнился их старый дворик и такое, казалось бы, близкое, но навсегда утраченное детство. И брат с дедом...

«А я тоже так умею!» – сказал маленький Боря.

Николай Кузьмич посмотрел тогда на него с некоторым сомнением. Внук стоял уже минут пять и наблюдал возле двери в комнату, где дедушка ровным тонким слоем наносил белую шпатлёвку на очищенную от старых материалов поверхность.

«Ты вырастишь строителем?» – улыбнулся дед. – «Наверно. Я ведь тоже могу вот так...» – и Бориска показал рукой в воздухе, как шпателем наносится белая тягучая масса на стену и красиво растирается по неровной потрескавшейся штукатурке.

Ему очень нравилось, как у деда всё это получается: быстро, точно и правильно. Все трещинки, выпуклости и ямочки скрывались под этой ослепительно белой мягкой, похожей на зефир, пасте. Стена выглядела ровной, как скорлупа куриного яйца.

«Можно мне попробовать?» – «Чего ж пробовать, если ты и без того умеешь?» – спросил Николай Кузьмич. «Я просто давно не делал», – ответил Боря.

На самом же деле последний раз, когда он что-то делал

похожее с пластилином на виниловой подстилке, было в детском саду – они лепили домашних животных, и как Борька ни старался тогда, кроме пупырчатой лепёшки с неровными краями и крошечными дырочками в самых неожиданных местах, у него ничего не выходило. Когда он представил свою работу воспитательнице, Мария Александровна была очень озадачена, рассматривая на свет чудное изделие.

«Ну ж что же, Боря, это очень похоже на рыбу – камбалу», – сказала тогда она. Дети весело засмеялись, но зато с тех пор он точно знал, что камбала – это такая плоская рыбка с парой глаз на одной стороне.

«Деда, а у тебя есть ещё одна такая же железка с ручкой?» – «Это называется шпатель, – ответил Николай Кузьмич, – у меня их целых три, все разных размеров». – «Дашь мне помазать?» – «Дам. Обязательно. Но попозже. Вдруг сейчас испачкаешься? Думаю, бабушка твоя не разрешит». – «А я сейчас спрошу у неё!» – внук побежал по коридору в комнату, где бабушка вязала ему носочки на зиму.

Он остановился на пороге, посмотрел на свои чистые, опрятные шортики и весёлую оранжевую футболку с пляшущими разноцветными человечками, и подумал, что, наверно, не стоит спрашивать у бабушки – он же аккуратно всё сделает: помажет немного шпателем по стене, выровняет, и ни капельки не упадёт на его одежду – чего зря бабушку беспокоить? Внук походил немного по комнате, поговорил с бабушкой про то да про сё, и вновь направился по коридору,

обратно к своей цели.

У заветной комнаты он остановился – проход был задвинут листом фанеры, и дедушки внутри не было. Он услышал, как Николай Кузьмич на кухне что-то говорил бабуле про обед – сейчас будет занят, наверно. «Вот и замечательно!» – подумал Боря и осторожненько, чтобы не нашуметь, проник в комнату.

Внутри стоял неприятный, немного кисловатый запах, и поначалу ему даже пришлось прикрыть нос ладошкой. Осмотревшись, он направился к большому белому ведру с этим несъедобным зефиром, где рядом на клеенчатой подстилке лежали два шпателя. Он сперва выбрал тот, что побольше. Дедушка его тщательно протёр после использования, и его металлическая поверхность сияла так, что Борька увидел в ней своё отражение.

«Красивый инструментик», – прошептал он. Мальчик присел на корточки рядом с ведром, снял импровизированную крышку из старой газеты и запустил в белую, похожую на творожный сырок, пасту свой инструмент. Шпатель легко вонзился в строительную смесь, но вот вытащить его назад, нагруженным раствором, оказалось не так-то просто – в песочнице Боре это удавалось куда легче! Но песок был сыпучим, а этот материал – тягучим. Он поднатужился, и полный шпатель от резкого высвобождения от остальной массы бодро выскочил из ведра – да так бодро, что все его содержимое разом выплеснулось на стену, и брызги от неё тут же отско-

чили и на Борькино лицо, и на руки, и на весёлую футболку с пляшущими человечками.

Мальчик озадаченно посмотрел на своё творение: на стене это уже не выглядело так же красиво, как прежде, когда это делал его дед. «Сейчас исправим!» – успокоил он себя и принялся за работу.

Размазывание по стене, однако, тоже давалось ему с трудом. Шпатель оказался тяжелым, а паста – не такая уж и липкая, и её нужно было с силой прижимать к стене, чтоб она не отваливалась тут же, падая комками на пол.

После нескольких мазков мальчик убедился, что занятие это вовсе не так интересно, как ему показалось вначале. Он положил инструмент, критично осмотрел результат своей работы и подумал, что, пожалуй, лучше ему пойти погулять на улицу.

Во дворе, на спортивной площадке, мальчишки играли в футбол, и он подбежал ближе, чтобы посмотреть. Витька с соседнего подъезда ловко обработал мяч – настоящий, «ромбиковый»! – отдал пас Славику с третьего этажа, тот быстро пробежал немного вперёд, вернул мяч Вите, и тот одним ловким движением переправил его в сетку ворот, которые защищал его брат Иван. «Го-о-ол!!!» – закричали все игроки отличившейся команды.

Это было так захватывающе, что Боря на секунду представил себе, будто это он виртуозно расправляется с противником и забивает победный гол, и все бросаются его поздрав-

лять, и он – герой. Ура! Здорово! Иван, впрочем, в этот момент, кажется, не разделял всеобщего восторга – ну, если он «дырка» на воротах, чего тут поделать!

«И я тоже умею!» – вскрикнул он под наплывом желания проявить себя на футбольной площадке. Мальчишки оглянулись на него. Витя сказал: «Ну, тогда давай выходи за нас играть, нам как раз одного не хватает». Брат Иван усмехнулся, а Боря с энтузиазмом перемахнул через деревянное ограждение и встал в нападении. Сейчас он нацеливается Ваньке за всё-про-всё, держись только!

Он внимательно следил за мячом, который перемещался пасами у чужой команды, и даже попытался отобрать его у соперника, но это ему не удалось, и он побежал назад к своим воротам. Витя смог всё-таки перехватить мяч, который вдруг отскочил к Бориске, и он, не раздумывая, со всего маху залепил по нему «пыром» – носком ноги. Удивительно – но мяч попал прямо в ворота, и ни защитники, ни вратарь в огромных перчатках ничего не смогли поделать! «Го-о-ол!!!» – закричал Борька и подпрыгнул от счастья. Вот же какая удача – только вышел поиграть и сразу забил гол! Только странно, что «гол» ещё кричали... не его товарищи по команде, а соседские пацаны, даже Иван в своих воротах – тот и вовсе покатывался со смеху, приговаривая: «Вот помощничек, вот молодец, Борька! Давай ещё!»

Страшное осознание ледяным холодком стало забираться под рубашку мальчугана. Товарищи по команде хмуро гля-

дели в его сторону: он забил гол не в те ворота – всё не так просто с этим футболом, оказывается. «Я... это... – забормотал Боря, – но я умею – вы же видели...» – «Ах, ты... он ещё и издевается..!» – и Славка грозно направился в его сторону, но Боря решил не дожидаться рассерженного капитана команды и, перемахнув обратно через бортик, быстро засеменил к дому, не оглядываясь: в такой ситуации на поддержку старшего брата рассчитывать не приходилось, как не крути.

«Славке-то хорошо так говорить – он вон уже целый год в спортивную школу ходит!» – думал по дороге мальчик. Проходя мимо двора, он заметил в приоткрытом окошке одной из стоявших тут автомашин довольное лицо Саши, своего приятеля. Саша сидел за рулём и играл в водителя. Папы его видно не было, а на заднем сидении расположилась Сашина мама.

«Привет, Саня! Ты что делаешь?» – спросил Боря. – «А вот... папа на минутку пошёл домой, а мне пока порулить разрешил», – ответил Саша, гордо изображая гонщика. – «Вот классно! А можно, я рядом?» – обратился товарищ к Сашинной маме. – «Можно, только ничего не трогай, пожалуйста», – ответила она с улыбкой, не поднимая глаз от своей книжки, а Саня отворил переднюю пассажирскую дверь. Борька с удовольствием взобрался в просторный салон «Жигулей». Внутри вкусно пахло бензином, а на приборной доске ритмично мигал индикатор радиоприёмника,

и сзади негромко динамик выдавал хрипловатые звуки «Маяка».

«Классно!» – в восторге произнёс мальчик. Он заворожено смотрел на Сашку, который урчал и заливался мощным двигателем заправского автогонщика, разбрызгивая вокруг себя слюну и покачиваясь будто бы в такт преодолеваемым поворотам и крутым виражам, и Борис тоже почувствовал прилив энергии, словно и его подхватила струя стремительного потока и понесла навстречу победам и триумфам. Ему тоже стало казаться, что они мчатся вперёд, обгоняя незадачливых соперников.

«А я умею ездить!» – вдруг выпалил он: нужно же было хоть как-то отличиться перед товарищем. Сашка покосился в его сторону, но только ещё больше прибавил газу и заурчал пуще прежнего. Их машина уже, наверно, попала на ухабы, потому что водитель запрыгал в своём кресле от воображаемой тряски. Но такая реакция не совсем устроила амбициозного Борьку. «Честно-честно, умею! И скорости переключать могу», – с этими словами он взялся за какой-то рычаг, торчавший вверх между передними креслами автомобиля, с маленькой кнопочкой на самом верху, и подёргал его.

Но рычаг не поддавался. Он совсем не двигался ни в какую сторону. Боря обернулся назад посмотреть, чем была занята Сашина мама. Ясно: своей книжкой – сейчас был шанс отличиться. Боря потянулся было к переключателям под рулевым колесом, но Саша отстранил его руку, строго покачав

головой: нельзя! Борька в ответ прошипел: «Да чего ты боишься, я же умею!»

Но Саша был непреклонен, и тогда его напарник снова взялся за рычаг между сидениями, надавил на кнопку на самой его макушке, и рычаг вдруг поддался и сдвинулся с места – вниз, прямо до упора. Борька посмотрел по сторонам и тут заметил, что автомобиль начал медленно двигаться назад, со стоянки напрямиком к проезжей части, которая шла вдоль их дома! У мальчика глаза полезли на лоб от страха, и волосы, казалось, зашевелились на макушке, а Сашка, обнаружив неладное, закричал: «Ты что, ручной тормоз трогал?!»

Автомобиль медленно сползал вниз по наклонной, в сторону одного из подъездов.

В этот момент Светлана Александровна рванула сзади на себя злополучный рычаг. Машина резко дернулась и встала. Боря обернулся и увидел строгое лицо женщины, а сквозь заднее стекло – высокое дерево у подъезда, в которое они лишь чудом не врезались.

«”Я могу ездить, я могу управлять”!» – передразнил его Саша, и казалось, будто он продолжал урчать, играя в гонщика, только сейчас его урчание скорее напоминало рёв перегретого мотора. «Тоже мне, ямогучка выискался!» Боря растерянно моргал глазами, не зная, что сказать: он чуть было не стал виновником самой настоящей аварии. Вот же!...

«А если бы сзади проходили дети, или бабушки, или всё

равно кто?» – спросила Сашина мама. Серьёзность поступка, наконец, стала ему понятной. – «Я же не специально, – промямлил он виновато. – Я же не думал...» – «Так думать прежде надо! – сказал Саша и отвернулся к окну. – Сейчас папа мне никогда не разрешит сидеть впереди, и всё из-за твоих дурацких ямогучек». – «Я... я не буду больше, простите», – сказал Боря и, открыв дверь машины, выскочил наружу.

Пробежав по тротуару до своего подъезда, он, запыхавшись, остановился и присел на скамейку, почувствовав себя в безопасности. Сердце сильно колотилось, и пальцы непроизвольно сжимались в маленькие кулачки. Он увидел, как появился Сашин папа, и Борька сразу пригнулся, чтобы спрятаться за невысоким кустарником, тянувшимся вдоль тротуара. Чужой папа недоуменно взглянул на свою машину, каким-то чудесным образом оказавшуюся совсем не там, где он её оставил, и расстроенное лицо Саши, который начал что-то ему объяснять, указывая в сторону, куда убежал виновник происшествия.

Мальчик пригнулся ещё ниже и уставился на свои новенькие кеды. Тут он вспомнил про заляпанную одежду, про ремонт и деда Колю. Вдруг его художества навечно засохли на стене? Что, если их уже никак нельзя оттереть, и вся проделанная работа пойдёт насмарку? Бориска поскрёб ногтем белые твёрдые капельки шпатлёвки, засохшие на коленке, и они, к его радости, быстро отскочили.

И тут рядом знакомый голос, словно отвечая на его мысли, произнёс: «Ну что, строитель, уже и водительские права получил?» Боря оглянулся и увидел деда, незаметно присевшего на другом конце скамейки.

«Да я ведь... это...» – «А, ты ведь и в футболе успел отличиться?» – Николай Кузьмич хитро прищурился. Борис вздохнул: «Так ты видел всё!» – «Да уж... За один час ты здорово потрудился, Бориска».

Мальчик заёрзал на месте. «Ничего у меня сегодня не получатся, деда Коля, – вздохнул он. – Вон ты как ловко с этой штукой...!» Дедушка помолчал, затем, пересев поближе, обнял мальчика за плечи и прижал к себе: «Да ты не переживай. Я тоже не сразу шпатлевать начал». – «А как?» – «Сперва учился, потом работал на стройке, потом в цеху на заводе – мы танки для фронта делали... Умение приходит с опытом – это когда ты с настоящим желанием делаешь свою работу. Любую работу. Потом и навыки приобретаешь. Без этого никак». – «Как Славка?» – «Это ваш футболист местный? – переспросил Николай Кузьмич. – Ну, по нему сразу видно, что он серьёзно спортом занимается. А там ведь – работа на выносливость, на скорость, на технику владения мячом, точность паса. Это большой труд – овладеть какой-то игрой, не просто так. Всё требует специальных знаний и умений. А представь, если бы это не футбольная площадка была, а, скажем, бассейн два метра глубиной – ты бы тоже прыгнул поплавать наперегонки?»

Эта мысль не приходила Бориске в голову. Плавать он не умел, и это, хочешь-не хочешь, а нужно было признать. «Вот лучше и не пробуй на такой глубине, пока не научишься». Внук согласился с таким разумным подходом. И спросил: «А что станется со стеной в той комнате? Ну, с которой я...» – «...поработал?» – с улыбкой закончил за него фразу дедушка. Мальчик кивнул.

«Ну, куски глины – это так: засохнут и отвалятся. Я заново сделаю. А вот знания из головы уже не выпадут, если туда однажды попали. Для тебя сегодня день, наверно, с пользой прошёл, да?» – с этими словами дед поцеловал внука в макушку, поднялся со скамейки и скрылся в тени их подъезда.

Борис ещё некоторое время посидел, выводя рифлеными подошвами причудливые знаки под ногами. Он попробовал оттереть все засохшие капли шпатлёвки со своих ладошек, и они легко отлетали, но под ними оставались белесые пятнышки, которые прочно, казалось, въелись в кожу.

Они так и не отёрлись до конца. Но Борька догадывался, что не это главное.

Иван тогда издали наблюдал за братом. Странное дело: если бы не тот нелепый гол Борьки в собственные ворота, то их соперники не обозлились бы и не накостыляли им в ответ с десятков – так что он, Иван, тоже-таки получил тогда от товарищей по команде «на орехи». А лишь только братец сбежал из скатившихся «Жигулей», на то место, где только что стояла машина, прилетел мяч, мощно запущенный Славкой вы-

ше всяких ворот и ограждений спортплощадки – так что не известно, в общем-то, осталось ли бы целым лобовое стекло, за которым маленький Санька играл в гонщика.

Но Борька этого уже не видел и не знал, поглощенный своими недетскими думами после того разговора на лавочке с дедом Николаем.

Для Ивана же, в призме жизненной ретроспективы, ясно было одно: после того дня брат никогда уже не хвастался впус- тую и не брался за то, чего не мог наверняка добротнo оси- лить.

С кладбища возвращались хмурые. Весенняя слякоть и бездорожье погоста не прибавляли людям шагу: все были по колено в грязи, а кто махнул лишнего ещё до поминального обеда, так и вовсе сидел задницей в холодной жиже, призы- вая добросердечных знакомых вызволить его из сваливше- гося на беду конфуза. И такие, конечно, находились – помо- гали. Чай, не за границей же.

В ту ночь к нему и заявился в первый раз Кузьмич. Дед стоял в двух метрах от его кровати, опустив вдоль тела руки – как-то и не по-людски даже. В комнате ощущалась неесте- ственная прохлада. Иван не употреблял алкоголь после по- хорон – никогда не употреблял, когда на душе тяжесть – по- этому пенять на пьяные галлюцинации не приходилось. Он

каким-то непостижимым дремотным образом догадался о постороннем присутствии ещё до того, как резко открыл глаза во тьме и пробормотал спросонья:

– Дед, ты чего без бандажа-то? Опять свалишься.

Но тот лишь молча покачал головой и растворился в полумраке комнаты. Прохладу унёс собой.

На седьмую ночь Николай Кузьмич явился снова. Теперь Иван мог его разглядеть получше: дед стоял в своём заношенном пиджаке, широких брюках с подтяжками, в старых домашних тапках на босу ногу.

– А чего новое-то не одел, дед? Мы ж тебе такой костюм прикупили! И рубашка белая... А ты, глянь – в пиджаке и тапках!

На этот раз Кузьмич приблизился к внуку – настолько, что Иван кожей почувствовал смертельно-могильный холод и различил белесо-голубые зрачки покойника под седыми мохнатыми бровями и шевелящиеся губы. Звука, однако, никакого не доносилось. Но Иван точно был уверен, что ему сказал дед: «Ты знаешь. Ты примешь. Это твоё теперь». Вот так – всего три отрывистые фразы. И в тот момент Иван понимал, о чем говорил дед. Он даже вспомнил тут же одну из их последних встреч, перед смертью Кузьмича, на пасху, когда тот, посмеиваясь, ни с того ни с сего передал ему за столом вместо праздничного кулича ломоть черного хлеба, посыпанного солью, с этими же словами: «Принимай. Твоя доля. Твоя».

О какой доле шла тогда речь, Ивану стало очевидным значительно позднее. Но тогда он лишь усмехнулся в ответ, не став перечить деду: «Моя. Конечно, моя, дед!» И принял. С головой у Кузьмича никогда проблем не было – но, мало ли, какие там могли бродить фантазии?

На девятый день он с утра уже был на могиле, чтобы всё прибрать к поминкам, до прихода родителей – мама с отцом и тётя Лиза собирались на кладбище ближе к полудню. И ещё издали почувствовал, что что-то не так, а, подойдя, ахнул: на месте земельного надгробия, которое они вдвоём с отцом накидали поверх могилы и сверху аккуратно присыпали влажным песочком и цветами меньше недели назад, зияла дыра. Иван даже сперва подумал – уж не вырыл ли кто гроб ненароком? – но, с опаской заглянув в могилу, обнаружил, что она просто провалилась вниз на добрые полметра. Вместе с цветами. Рядом с соседнего памятника на него с любовью глядели добрые глаза бабы Наташи...

Это не было в порядке вещей – не на седьмой же день после захоронения проваливаться могиле на полметра! Полгода, год – да, тут есть рациональное объяснение.

Не особо задумываясь, Иван лихорадочно принялся таскать землю с соседних участков да межмогильных проходов, по черенку с каждого, пытаясь исправить ситуацию к приходу родственников. Ну, не зря же ему ещё с вечера свербило пораньше придти на кладбище! Не зря.

Позже ему коряво объяснили за узким семейным столом,

что такое периодически случается: мол, бывает, и подземные воды вдруг прорываются и подмывают грунт, земля «ухает» вниз там, где она подкопана, и могила опускается раньше времени. Что происходит тогда с телом покойного, никто не вдавался в подробности, да он и не спрашивал – задал-то вопрос как бы невзначай, про другую свежую могилу, ушедшую на три штыка в никуда в соседнем секторе. Наша-то типпа в порядке.

В ту ночь он не стал дожидаться Кузьмича, а сам отправился к нему. С собой взял только чекушку, кусок черного хлеба и фонарь.

При молодой луне всё на кладбище выглядело иначе, нежели днём. Фонарь даже особо-то и не помогал, а, наоборот, его сноп всё представлял в гораздо менее знакомом свете: вроде уже ставшее привычным деревцо с одинокой ветвью и обрубленной макушкой у тропинки вглубь погоста теперь ни с того ни с сего казалось перевернутой косою в руках Той-Самой, а свежевыкрашенный металлический столик в пяти крестах от тропы, отражая световые блики, представлялся помостом для отпевания душ грешников; и как Иван ни старался не глядеть по сторонам, он не мог полностью избавиться себя от восприятия своим боковым зрением причудливых форм и фигур этого сакрального места, покрытого ночным мраком. Наверняка же тут бродят фантомы неупокоенные – или стоят, уставившись на него во тьме пустыми глазницами. Тьфу на них!

Среди чужих могил он, тем не менее, не потерялся – его словно вёл кто-то, уверенно и даже безмятежно. Подойдя к знакомой оградке, Иван всё же высветил бугорок – на месте ли? Затем вдруг спохватился: чего это он припёрся среди ночи в чужой мир, да не спросясь? Быстро перекрестившись, как бабуля в детстве тайком учила, забормотал:

– Простите, духи, сущности и другие обитатели сего места, что явился сюда в час неурочный, но, видит бог, без всякого злого умысла, а лишь с добрыми намерениями – появилась нужда срочная обратиться к предку моему, что покоя мне не даёт, как сам представился девятого дня, Николаем зовут, посему позвольте мне беспрепятственно отдать ему должное, а за вас господу помолюсь – он знает всех вас тут поименно, уж не обессудьте.

На душе словно просветлело, и в волосах он ощутил лёгкий весенний ветерок. Откуда слова взялись, он так никогда и не мог объяснить даже себе самому, да этого и не требовалось, в принципе.

С дедом просидел час, наверно. Вспоминали былые дни, делился с ним планами на будущее. На прощание оставил ему недопитую чекушку с кусочком хлеба и попросил его не шариться больше по людским квартирам, упокоиться, и оставить кесарю кесарево. На том и разошлись.

Больше дед к Ивану не приходил.

...А мост и по сей день стоит, каменный теперь...

Для подготовки обложки издания использована фото-художественная композиция автора.